

Изначально он хотел попросить своего старшего брата Ань Кана помочь замолвить слово перед главой клана, но тут несколько членов семьи Ань вышли с жалобами, утверждая, что зерно, ткани и другие припасы, которые должны были распределяться через благотворительное поместье, были присвоены. Вместо них выдавали грубое зерно, и даже правило, согласно которому с членов клана взималось лишь тридцать процентов арендной платы, в его случае превратилось в пятьдесят процентов.

О том, что Ань Мао незаконно использовал средства для выдачи ссуд, ещё можно было замолвить слово, ведь это не наносило ущерба интересам семьи Ань. Но когда дело дошло до присвоения имущества членов клана, глава клана даже не смог открыть рот, чтобы защитить его. Ведь самое важное в поддержании такой большой семьи — это единство и согласие между её членами, но Ань Мао начал притеснять своих сородичей. Как другие члены клана могли искренне уважать его после этого?

После долгих обсуждений среди старейшин клана и подстрекательства со стороны братьев Ань Дэ и Ань Цая, Ань Мао был приговорён к тридцати ударам плетью и штрафу в пятьдесят тысяч монет, то есть пятьдесят гуаней. Кроме того, ему было запрещено пользоваться всеми привилегиями, которые семья Ань предоставляла своим членам. Все расходы на образование его сына, включая покупку письменных принадлежностей, теперь ложились на его плечи.

Наконец, самым неприемлемым для Ань Мао стало то, что ему запретили участвовать в клановых церемониях жертвоприношений. Это было практически равносильно изгнанию из семьи Ань. Потеряв право участвовать в клановых ритуалах, он стал человеком, который даже не мог ступить в родовой храм!

Из-за его действий Ань Кан также лишился права управлять делами благотворительного поместья. Эти обязанности вернулись к Ань Дэ. Конечно, продажа зерна по-прежнему оставалась в ведении Ань Цая.

Ань Кан был гораздо спокойнее, чем Ань Мао, ведь он понимал, что именно его чрезмерное доверие и попустительство по отношению к младшему брату привели к такому позору, который вышел за пределы клана. Он не стал оправдываться и в итоге, по решению главы клана, остался в благотворительном поместье, чтобы преподавать молодым членам клана.

После возвращения управления благотворительным поместьем староста Ань и Ли Цзиньсю стали гораздо занятее. Ань Тун иногда приходила им на помощь. Увидев это, она сказала:

— Если родители возьмут на себя все клановые дела, то кто же будет их достойным преемником в будущем?

Староста Ань и Ли Цзиньсю с удивлением посмотрели на неё. Они, конечно, понимали, что её слова отличались от того, что обычно говорили другие члены клана, ведь многие могли насмехаться над тем, что у них нет сына, но Ань Тун — нет.

— Поэтому мы решили найти тебе более подходящего мужа, — сказал староста Ань.

Ань Тун скривила губы. Если даже Цзян Чэнъань, выходец из чиновничьей семьи, воспитанный на конфуцианских учениях, оказался таким, разве другие не станут искать развлечений на стороне? Более того, когда перед ними окажется такое огромное состояние семьи Ань, смогут ли они оставаться верными своим принципам на протяжении десяти лет?

Таких мужчин, как её отец, слишком мало. Даже её дядя однажды тайно содержал любовницу, не так ли?

— Ты что, не согласна? Тогда какие у тебя есть предложения? — спросила Ли Цзиньсю.

— Может, усыновить мне брата?

Лица старосты Ань и Ли Цзиньсю потемнели. Что это за странная идея?!

— Ань Юхай вполне подходит, — добавила Ань Тун.

Ань Юхай был вторым сыном второго дяди Ань и младшим двоюродным братом Ань Тун, которому сейчас было всего одиннадцать лет. Староста Ань и второй дядя Ань были родными братьями, а у второго дяди также был старший сын Ань Юсюй, поэтому усыновить одного из детей своему старшему брату не составило бы проблемы.

Однако староста Ань и Ли Цзиньсю явно не собирались следовать предложению Ань Тун:

— Ань Юсюй в будущем собирается сдавать экзамены на чиновничью должность. Когда он станет чиновником, ему будет неудобно заниматься клановыми делами, так что это невозможно.

— Но если усыновить Ань Юхая, он тоже сможет помогать в управлении клановыми делами, не так ли?

— Поддерживать такую большую семью и управлять таким огромным состоянием непросто. Сейчас всё держится на том, что твой дядя и я разделяем обязанности, иначе я бы просто не справился. Хотя я не знаю, откуда у тебя такие странные идеи, но даже если у меня, Ан Дэ, нет сына, что с того? У меня ведь есть ты, не так ли?

Ань Тун ответила:

— Но я же девушка. Даже если папа найдёт мне мужа, который согласится переехать в наш дом, я всё равно не смогу стать главой клана, и забота о состоянии семьи Ань не будет моей обязанностью.

Староста Ань строго посмотрел на неё:

— Не думай так! Ты наша дочь, и даже если ты не станешь главой клана, состояние, которое я нажил, не будет заботой других членов клана. Кроме того, у нас ещё есть десятилетия, чтобы доказать им, что дочь Ан Дэ тоже способна взять на себя ответственность, как и её мать!

Сердце Ань Тун наполнилось теплом. Она не удержалась, чтобы не обнять Ли Цзиньсю и не начать капризничать:

— Я не хочу взрослеть, чтобы родители не старели и могли всегда быть главными, всегда оставаться рядом со мной.

Староста Ань смотрел на них с некоторой грустью. Ведь это он её поддержал, но Ань Тун почему-то капризничала только с матерью.

Ли Цзиньсю мягко улыбнулась и слегка ущипнула её за щёку:

— Ты сама говорила, что хочешь учиться управлять делами, а теперь не хочешь взрослеть. Это что, попытка увильнуть от работы?

Ань Тун: «...» Она просто хотела покапризничать, а её мать оказалась такой бесчувственной?

Ладно, на самом деле она хотела, покапризничав, пойти поиграть с Сюй Сянжу, ведь с тех пор, как они встретились в начале пятого месяца, увидеть её снова было непросто.

Во-первых, Сюй Сянжу, помимо работы на поле, ещё месяц собирала чай на чужой чайной плантации. Во-вторых, она сама была занята тем, что искала компромат на Ань Мао, а также учёбой, поэтому у неё не было много времени на развлечения.

— Сегодня в семье Сюй уборка урожая, я пойду посмотреть. Мама, больно! — сказала Ань Тун.

— Вот почему ты так рано начала помогать нам, оказывается, чтобы пораньше пойти играть! — Ли Цзиньсю криво улыбнулась, но отпустила её щёку.

На белой коже осталось красное пятно, и староста Ань смотрел на это с жалостью. Ань Тун столько месяцев провела дома, не выходя в поле, и её кожа снова стала белой. К тому же она нанесла румяна и пудру, что делало её довольно привлекательной.

— Сюй Сянжу пошла собирать чай и не сказала мне заранее, иначе я бы сразу попросила её помочь мне, и ей не пришлось бы идти так далеко, — сказала Ань Тун, думая о том, как тяжело Сюй Сянжу приходится каждый день собирать чай под палящим солнцем.

— Думаю, она не захотела бы, чтобы ты её командовала! — сказала Ли Цзиньсю.

Ань Тун вздохнула:

— Как это так, что из-за того, что я понимаю её и не заставляю делать грязную и тяжёлую работу, она отказывается от хорошего заработка?!

Ли Цзиньсю не стала её разоблачать, лишь слегка потрепала её по щеке:

— Возвращайся пораньше.

Ань Тун обрадовалась и побежала, как ветер, оставив лишь эхо:

— Вернусь к ужину!

Ань Тун специально взяла своего кролика:

— Пойдём, найдём твоих братьев и сестёр.

Она хотела их свести, но, осознав, что они братья и сёстры, немного расстроилась. Ей хотелось, чтобы они выросли и дали потомство, но теперь это желание не осуществится!

Придя к дому Сюй, она увидела, что ворота открыты, и вошла внутрь. Кролик, которого она подарила Сюй Сянжу, спокойно сидел в клетке и жевал траву, причём выглядел он крупнее её собственного.

— Как Сюй Сянжу его так откормила? — Ань Тун сравнила их и немного разочаровалась в своём кролике, но, подумав о том, что её кролик чистый и не пахнет, её сердце успокоилось.

— Молодая госпожа, похоже, дома никого нет, — сказала Жэнь Цуйжоу.

— Я специально выбрала день, когда ей не нужно идти на чайную плантацию. Может, она в поле? — пробормотала Ань Тун.

— Молодая госпожа, я пойду её найду! — предложила Жэнь Цуйжоу.

— Иди. Шао Жу, тебе не нужно помогать старушке Чжан? — Ань Тун завела разговор с Шао Жу.

Шао Жу ответила:

— В этом году старушка продала свою землю, оставив лишь небольшой участок для выращивания овощей для себя.

Старушка Чжан, будучи пожилой, не могла справляться с тяжёлой работой, поэтому вскоре после того, как Шао Жу устроилась в дом Ань, она сдала землю в аренду. В этом году её здоровье ухудшилось, и она просто продала землю. Зарплаты Шао Жу хватало, чтобы обеспечивать их пропитание, а она сама занималась рукоделием, продавая свои изделия, чтобы купить лекарства.

Шао Жу замолчала и с сомнением посмотрела на Ань Тун:

— Молодая госпожа, могу я пойти проведать старушку?

— Здесь тебе всё равно нечего делать, так что иди, — Ань Тун никогда не скупилась на такие возможности для тех, кто хотел проявить сыновнюю почтительность.

Конечно, она не знала и забыла о том, как в детстве издевалась над Шао Жу, из-за чего та не могла использовать пойманных угрей для пополнения семейного бюджета.

<http://bllate.org/book/16381/1482709>